

невередимо, но душа убита». Никогда сь вѣрой въ ся чистоту оня словно убили въ ней и эту чистоту. «А, ты не вѣришь, что я чистая, такъ пусть же я буду грязной!»—слова говорить она и... отдается Ментикову... Но мужъ ономился. Оня прѣбываетъ къ ней, узнаетъ все и понимаетъ, что оня во всея виновата, что оня толкаетъ ее въ грязь, что оня бездѣлала ее, оня молитъ о прощени, оня возвращаетъ ей всю свою вѣру, во душа въ ней уже убита, убита и прежняя святая Катя—осталось только тѣло, только грѣхъ, только возлелѣние и она дѣлается любовницей Коромылова, она соблазняетъ Алешу, она идетъ купить съ Толмачевог...

И не стану останавливаться подробно на всѣхъ кажущихся мнѣ фальшивыми и ужъ слишкомъ придуманными, а иногда просто грубыми своею грубостью,—положеніяхъ Андреевской шесты. Не понимаю, напримеръ, зачѣмъ понадобилось автору, уже послѣ возвращенія Екатерины Ивановны къ мужу, снова дускать Ментикова къ ней въ домъ, снова дѣлать ся любовникомъ человека, который можетъ возбуждать въ ней только отвращеніе, а не понимая, зачѣмъ нужно, чтобы Коромыловъ, «единственный другъ» Георгія Дмитриевича, человекъ искренно любящій его, тоже сталъ ея любовникомъ, и чтобы, станяи южъ,

могъ остаться такимъ же другомъ и давать советы «пристрѣлить» Екатерину Ивановну. Все это мало понятно, но все это не главное въ пьесѣ, и можно было бы не касаться этого, если бы не казалось мнѣ фальшивымъ и главное, ея положеніе—это самое «убійство души».

Мнѣ неясенъ Георгій Дмитриевичъ. Почему оня стрѣляетъ въ жену? Если это просто не способный рассуждаетъ левиневецъ, сразу при первомъ же подозрѣніи приближающій къ револьверу, какъ могло случиться, что пять лѣтъ жизни, прошли безъ мажйшого «блудка», какъ можетъ быть, чтобы ему понадобилось дѣлать полгода для того, чтобы «помыть» послѣ вѣстрѣла и прійти за прощениемъ къ женѣ. Какъ можетъ оня—если оня просто рывивецъ—такъ сдержанно отнестись къ этой кинмарной жизни жевы, послѣ ея возвращенія?

А если оня не таковъ, если этотъ депутатъ, по горло отдающійся своей работѣ, ита надежда родины—сильный духомъ человекъ, и выстрѣлъ его сдѣлаетъ ея заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, какъ говоритъ Алеша, то почему же, вернувши жену, оня вдругъ ослабеваетъ, не умѣетъ снова воскресить въ ней душу, или, если ужъ это точно не возможно, не «пристрѣливаетъ» ее, какъ совѣтуетъ ему Коромыловъ.

И въ чемъ же—какъ бы ни понимать—убійство души? Чувствуется здѣсь какая-то натяжка и думается, что если бы авторъ поднимался исключительно художественной своей интуиціею—оно, либо вернуло бы миръ и счастье въ семью Георгія Дмитриевича и тогда пьеса должна бы была окончиться на этомъ актѣ, либо сразу показала бы раздѣршающуюся между мужемъ и женой пропасть и безъ лишнихъ и дешевыхъ мелодраматическихъ эффектовъ, безъ всей этой фальшивой и невыятой путаницы, увидя бы навсегда Екатерину

Русские слова

Л. Андреев о провале "Екатерины Ивановны"

В. И. Немирович-Данченко после первого представления "Екатерины Ивановны" в Художественном театре послал автору пьесы Л. Андрееву самую подробную "рецензию" и впечатлительный реверс, а также о том, как эти две картины отразились на московской прессе.

Во телеграмме, немину прочитав, удивлялся на то, что первая акт была пропущена с исключительным успехом, третий не вызвал ни единого слова, а после четвертого послышалось дружное шкваление, борющееся с попыткой заглушить его аплодисментами.

Свою телеграмму В. И. Немирович-Данченко закончил советами автору написать четвертый акт для предстоящей гострелю Художественного театра в Петербург.

На эту телеграмму Л. Андреев прислал В. И. Немировичу-Данченко следующий ответ:

"Нисколько не спорю. Это не провал пьесы, а провал в театральской публике первого акта. Поднимаю для печати. Вышите образ "Екатерины Ивановны". За вами победит все испорчене и величие творче. Артистиче — горько писать. Пусть не робюте; дьявол — борьба, а искусство — тьма борьб. Жму руку. Леонид Андреев."

Стит акти 27 марта 1907.

Русские слова "28 марта"

Мольеровский спектакль.

Краски положили густо. Показалось мало, что же время говорит о климате.

На сцену поставили "старинную мебель" — все в весьма определенных назначениях, с дверей итп... А нарочито, если это фигурирует на сцене, почему не фигурировать во пьесе?

Напишите, но на сцене судю.

Что? Выть испорчене это читать? А как приятно это читать три акта [забыл-ради!]

Или-подъ кричать достаютъ виду, "которой никогда не ставлять на сцене".

Во пьесы на кулисах написаны для классических форм, опять-таки "не для публики".

Во глубине сцены все время шумит, как отбрасывает дьявол с этаких вырванных бубновым током и весьма определенными назначениями.

Во общем, все это слышится "невозможность".

Ах, Москва! Во пей всегда больша порция!

Во постановке и исполненни акт почти идеально.

Выше поставь. Это узаче. Минимум больша въ постель еще сидеть.

Г. Овчинников — очень удачный Арташ. Новато акт вносить на сцену роль, что, что играть сто забавных плаксов.

Г-жа Киплер, одна из самых интересных "характерных" актрис, — лучшая жена Арташа, какую вылье приходить жить в на русский, и в загадочной сцене. Она дает прелезную пародию на супружеска любовь. По затея играть такую историю, когда Россия узнает о смерти мужа? Это — Мольер! Это — комедия! Тут же уж можно быть, вечно! И эта роль, возлюбил жемьяны, что она, наконец, забавляла от "какой-то шутки".

Г-жа Иванова — всегда, живая, бойкая Тушет. Даже слышится бойкая. Уж слышится много она дерется с Арташем.

Г. Завенский фатрой и лицом — забавный Дуфарусе маврий.

Остальные могли бы быть и получше. Интермедия, — посещение знаменитого больного из доктора, — поставлена с талантом, вкусом и роскошью, с какими ее не ставят во Французской Комедии.

Она дает так роль въ театр, во где смерти Мольера, и превратилась из скучной карик.

Выходить из докторских тогах все тупо, с "мастурью" на талии. Не жалко казалось, что "отрадились поплинность". Без улыбки говорит сгибанным глупости. Какая-то арктичная лампочка. Зато прелезная, весела и красочная обстановка.

Презабавные трюнные актеры-доктора. Прелестна дамы. Красные костюмы музыкальте. И очаровательные плаксы.

Самъ "марш-салон" для танцевальте

которого слышались эти балеты-интермедия, остался бы, вероятно, во историч.

Это была интересней и забавней вечер.

Онъ кажется оживотной комедии "Бракъ по любви".

Самое сильное из этой комедии — два философа. Мольер выдвигъ плосу так, что обиход может играть одну и ту же роль акт. Она смеется, кричат, дурит на друга, но на сцене не встречается; между акт позволении у Ставараля всегда молчаливо, чтобы дать время актеру переодеться. Исполнение двух философов дает случай талантливому актеру показать свое разнообразие и способности переисполнения. Во Москва выдвигъ играть обиход философов, въ великом Итальянском театре покойный Киплер и былъ превосходен.

Во Художественном театре философов играть двое, что гораздо менее сбито и менее заманчиво.

Задумав во играть много интересно. Интересно задумав и исполнене г-ной Геральдиной Доржиева. Волшебная глупость.

Интересно задумав и красиво выдвигены г-жана Попова и Евревойной дуб выгнаны.

Интересно задумав брать Доржиева. Во исполнене акт роль акт плоче.

Ставараля играть г. Луцкий.

Интересно, гдѣ этот Ставараля играть своей забавы; у Москвитинской пьесе акт въ Гамбургском переулке? Мольер быталъ тамъ!

ТЕАТРАЛЬ.

Русские театры 28 марта

Художественный театр. Мольеровский спектакль.

Какъ хорошо, что крупные авторитеты имеютъ предубы! Хорошо потому, что подъ покровомъ авторитета мы можемъ иногда оставаться сами собой безъ боязни показаться слишкомъ простыми и мизантропичными. Только благодаря тому, что Мольер — Мольер, мы разрешаемъ себе въ "Мнимомъ больномъ" сидеть влезши и неудержимо хотеть надъ тѣм, что проинужено грубой, принятливою, но действительнао замечательной веселостью.